

Борис
Куприянов

РАННИЕ ТЕКСТЫ
(1966 - 1969)

Город ли когда над полтавою звезд
Вам планы знать не дано
Утренне ронки, корявый букет
Давнее слишком вино

На севере так
А на западе нет
На севере город стоит
Там стук давно позабытых карет
И некто на лавочке спит.

Доктор придёт самоучка
В рог протрубят однозвучно
Выпорхнут синие ляди
Сонные визжнут воя
И на веселой свободе
Прямо в полёте замкнут

"По ветру, по ветру мыши летучие,
чёрные бабочки, воя надучие"
Выскажет доктор и скроется спать
Некому.
Взвизгнет.
Нечем летать.

Ланки красных снегирят
Впечатаны на снеге
Этой зимой яснее
Их кровинчки горят

Здесь хозяйничал браток
Клювик острый хватка та
Краснокровия ледеж
Красота.

За старой пластинкой
Такое творилось -
Горели глаза, и зверели глаза...
Когда на косматое солнце разбилось,
Все замерли враз, отскрыв образа.
И только какой-то короткий калека,
Всё видя и зная, притёрся к стене,
Да так и не смог посчитать свои лета
И умер, как иголкин лучок на спине.

Со стороны любой зверок
любак птица
годится в суп

годится в гроб

греха боится

Со стороны в любом цветке
задор и злоба

Со стороны в любой руке
моя утроба
в кулаке.

Недостойн ты ясного дня,
Васильковского летнего неба.
Чьими поклонами лежь семя
у фортуны, у фронта, у феба
Ты такой усмотрел переплюс...
Чьими вечно зелёными снами
Ты в толпе односменек увяз,
Их дыханья являешь парами
Среди фикусов, фокусов, форми...

Кроме розовых лилий
в саду испуга
я знавал и залётного зиня
незваный
он свивался в груди
и рванод с алугом
трисли зинив
ласкали его небрежно

Стих, суставчик, косточка...
хрящичек куриний...
или петушиний смех
Над равниной моря.

Над равниной моря
или петушиний бег...

Курочкина чёлка
не волнует вас
вас сбивает с толку

Стих суставчик косточка...

Бойцовские качества нужно иметь,
Чтоб жить в этот век сторука.
А я разозлился и начал скорбеть.
Час от часу легче — ничья.
Нет ниток и колких иголок,
И нету дворцов и двуколок,
Не едет никто никуда,
И таетя тина лекарственных льдов...
А умерший мой одной и багров.

ЗАМОРОЗКИ

Мёрзлый лиственный покров
 Обнажался, снег сирал,
 Ничего себе здоров
 День прошёл, пробагровел!
 ...Ну что же, каждый зимой
 Меня знобит, злобит и мучит,
 И льёт хорал с небес драмучих,
 И дурман на стан городовой.
 По песнопанной мостовой,
 Где каждый звук крадётся в душу,
 Иду, и слушаю, и трушу,
 И позапрошлой листвой
 Шумит Нева над головой.
 ...Остывал туман, индевели двери,
 Слухи под дома протекали, прели,
 Выходили дети изгородь ломать,
 И кровати тяти придвигали посмотреть,
 Перестали лошадя голубей клевать,
 Голуби порхнули на карниз греться.
 ...Дами с узелками выходили вон,
 Замыкали ставни с солнечных сторон.
 ...В час мороза, в тихоньком трамвае
 Вызывать на площадь — что же просе?
 Далеко идущий путь сверкает,
 Застыт, деморочит.
 Я на площади сойду, попрошу пощадь,
 Ну прощайте, ну прощайте,
 Склад-ин-я баллады...
 Житель прокаженных зим,
 До свиданья, житель.
 Мимо едет синий ЗИМ —
 Сонный искуситель...
 Белым бело и бледно бел
 Я вышел восторжествовать,
 И на колени загремел,
 И не успел себя познать.
 Но так хотелось холодеть,
 И по лицу не колотить,
 И загогулиной посметь
 До полночи глухой пробить.
 Вот так же в снегопадные воя,
 В секущем ветре и везде
 Ни зимрзает до костей,
 Чтоб суше свой вздохеть.

Т Е К С Т Ы 1972 - 1974

(из "Пасхальной подборки")

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Если сердце заслушает, не забываясь, означает
речь громадного мастера яда в рассыпанных искрах стыда,
обязательно тут же сидящая дева заплачет,
зарыдает двуликого Януса та половина и та!

О двуликий учи мастерство преступленья.
Золотая середина, вырвавшая святом по любви,
не годится творящему; любящему для уменья
выживать. Но учивший летать обязательно скажет: пливни!

Янус, что за вопрос? Зачем ты колеблешь ребёнка!
Дева держится вся из последних, надуманных сил.
Мастер, перемените пластинку, рифмуйте поближе - в колонку.
Боже, кто к это нас до такой слезноты упростил.

Я и сам, как в гостях, и домашнего слова не слышал.
Вивисекция рано отпущенных жизнью грехов!
Мастер, не обижайтесь - мы встретимся с вами на крыше.
Что мы собственно можем, когда не читаем стихов.

Янус, я для читателя переписку отходную!
Посмотрите, какая в тетях моих красота.
Я хотел написать, что любовь иногда изменит;
только как изменит, уже отлетело с листа.

Каждой твари по паре. Читатель следит за изменой:
у возлюбленной летит, у мастера тёмный флакон,
дева больше не плачет - я ей положил на колено
заваленное яблоко и выхожу на балкон.

Если сердце заслушает, не забываясь означит...
Только чуть отдамусь; по стаканчику обложим ещё!
День как будто бы прожит. Двуликий нас не особачит.
Мастер древнего яда залёбни укроет плаваном.

У возлюбленной сад задыхается в пыльном угаре.
У меня под крылом промолгодная летит молчит.
Я хотел написать: кто же сердце моё отоварит
в паравёрнутой Богом за что неизвестно ночи.

ВЕТРЕННЫЕ СТИХИ О ПТИЧЬИХ ТАЙНСТВАХ

Блоковский ветер вернулся из дальних скитаний.
Здравствуй золотая музыка! Наша листва
не встрепенётся, чтоб дать вам живое название.
Впрочем простите - я всё начинал с баловства.

Сосредоточьтесь тяжелый поэт за пригорком.
Вам не понять, как становится тень "на часок";
сколько темных пророков по нашим задворкам
души бросают свои на чужие веси.

Я не люблю постоянства простиженной бездны!
Вот колоколец у друга в дверях - позволю.
Виньку глоточек свободы его безвозмездной
и романтической песней окно отворю.

Ветер, найди наши честные чистые струны,
заговори языком побелевших ночей.
Я не забуду безмолвной прогулки беззвучной,
часто дрожащих девичьих, девчачьих плечей.

Но не любовь, свадебной к двуличному чулу,
а абсолютной музыкой двиним в саду
птеничку, к которому вся полюбовная гряда
тянется так, словно что-то имеет в виду.

Види не види, пейзажная какада без птиц.
Только имеющий ушк познает пейзаж.
Ветры, августовские птицы, золотые колли -
с первого взгляда ничем не приметный коллах.

Здравствуй, Август - подстрекатель особенных струнок,
ветренных птиц созерцатель, золотой сын,
птичьих яичек хранитель, строитель скворечинных лунок,
братец поэтов, сегодняшний мой господин!

что ж освещайтесь, но в памяти не расходитесь!
Римским жрецам, голоногим гадателям птиц
русский птенец, от поэзии видимо витязь,
выскажет слово, глядясь в петропавловский шниц.

Вера при всей бесконечности исповеданий —
есть полсердечная роща для ветреных птиц!
Не притворяйтесь, смутитесь: и вы над Невой
пролетали, не узнавая уступчивых, ангельских лиц.

Птица и ангел — два знака сбивавшейся веры
и воплощенье всемирно известной души.
Сбудется всё. И Азгура сойдет на галери
только за то, что он слушать умеет в глуши.

ХРАБРЫЙ ЗВОН

Вас в осеннюю пору, в Ленинградском колхозе
 не повесят четыре, или три волосяна.
 Доживётся старушка. И как в песне поётся:
 лам-ца дриц-а... парина не полюбят скопца.

Ничего не случится, потому что не время
 хоть чему-нибудь сойти, загадав вопреки...
 После столькок кровей приходящее пламя,
 протирая спухание за ночь виски,
 ничего не придумает кроме жалания
 для несчастного случая кровь отворить!
 Остановится сердце в просторе страдания
 и к безроговому Логу протянется нить!

В эти годы, которых не копят, не сент:
 то, что есть хорошо, а не будет — так пусто!
 Я счастливого случая жду, как спасенья,
 от того, что учил и учу манувать.

Ино не кажется каплею в море молитва.
 Доживалась любая земля до врача!
 Только как, почему же неравная быта,
 а на пасху деленье на всех кулача.

О, бесконечность жизни и страстей!
И белого, и красного налей;
и верного вина, и не родного;
теперь зеленовато-голубого,
коричневого, чёрного... Потом
ложись на свой пустой аэродром.
Автопилот дотянет — не размахнет!
Одно вино твою любовь докажет.
И выскажется жизнью наперёд
Единственный, кто никогда не врёт!

И в этом смысле жизнь моя готова
стать предсказаньем волевого слова;
и выпорхнуть нахохлившейся птицей
туда, где невозможно раствориться;
где мрак, и камень, спрятанный во мрак,
не враг тебе и ты ему не враг.

Ты ляжешь, ты волосы вытрешь со лба.
Ты вытрешь лицо, побросашь слова.
Ты в воинской части откроешь глаза:
землянка твоя — капитан с полугаем,
сверхсрочник глухой и радистка слепая.
И сказку расскажет тебе полугай.
Сверхсрочник спобт, а радистка пуслай
всё по миру, по миру, по м и р у пустит!
Господь не допустит, чтоб ты умирал!
Ты встанешь, ты волосы вытрешь со лба.
Солдат Куприянов, тебя позвала
продажная мать на прощальный обед.
Господь допускает — тебя уже нет.

Я не кгу сомнение своё
Как аппендику утигом горячим:
то есть только тот сейчас поёт,
кто болен, мучится и плачет.

Только всё равно всё так и есть.
Бога прогневишая утроба
вырабатывает наву месть.
И цветёт торжественная злоба,
и вахна задривная смердит!
Родина — опущенные веки!
И садится клеб энцефалит,
и рождаются зверо-человеки!
И колншет свой холодный хвост
на раздаче пива и портувейна
близорукий и бровястый дрозд: —
медленный, большой, благоговейный.

ПЕСНЬ ОДИССЕЕВА СПУТНИКА

0.0.

Харибда, Сцилла! Фиговый листок
 давно на парус. Одиссея привязан.
 Я, рядовая тварь, играю на зубок!
 О, если б это небо стало вязом!

Чтобы ни звезд, ни дождика, ни зги,
 ни звука позвоночника на сломе.
 Чтоб под глазами синие круги
 после попойки в деревенском доме.

Харибда, Сцилла. Чёрная вода.
 Крапильная небесная колода!
 Кто выдумал, чтоб жизнь была - беда,
 а самой страшнов белой была свобода.

Свободен сорок раз прозревший зверь!
 И сорок раз ещё прозреть готовый.
 Я рядовая тварь, вчера, потом, теперь.
 Для всех и вся, смотревший сои не новий.

Т Р И Г Р А Ц И И

Ефросина, Талия, Аглая —
возродите радость, блеск и цвет.
Покажитесь! Я найду не край
за живот, а не для зполет.

За животворящую духовность
на нигерманландской стороне,
я прошу вам вамую злую томность,
фотографию повесу на стене.

Помогите, озаритесь, свейтесь!
Изберите лучших учениц.
И не улыбайтесь, а засмейтесь —
не прощайте наших скорбных лиц.

С Т А Н С Ы

Что же, санки давно отдыхают. Мальчи обминулись.
Ветер вылетел вспять, замораживать прошлое слово.
Навсегда наши тени в зелёных колодцах надулись.
О, никто не читает сравнительно новых.

Я руками кричать научился на улицах старик.
Зарекаюсь судить. Потрошу привезённое тело.
Благодетель духовный отправил, остался замаран.
Гонит стадо усонных, распухших, лебелых!

За кудикину горку загнав распаянное братство,
Господни позабил назначенье лихого похода.
Помешался, отправил. Ему не напомнит убранство,
ничего не напомнит — пусть смотрит на воду!

Я не выйду из дома. Мой привезённое тело
перетерпит родня, передёрнется смертной истоной.
Господни, разве сердце твоё не болело
В первый день объявления: "Родилоя не дома".

Как давно это было. За голосом слов не узнаешь,
напечатанных столбиком в тёмном альбоме.
Трудно, поздно; к полуночи всё вспоминаешь,
остался один в перевернутом доме.

Что ты мне говорила вчера? Почему не запомнила?
 Неужели зима — это только страдание ресниц.
 В нашем пушкинском парке старинные детские дровни
 приглашают по следу голодных забившихся птиц.

Если памяти вам каждый год выходило не мало;
 посадив деревцо и построив коричневый дом,
 закатайте тщеславие помыть в ночное своё одеяло,
 а иначе дрожать, просыпаться и пить о былом.

Всё в солёном снегу. Даже тёплое сердце простило.
 Чуждой девочкой пятого класса тантся оно.
 В чём же чудо морское? Ты помнишь, как время забавно
 непослушных детей, или я это видел в кино.

РАЗЛУКА

Обозревший хаос, недоступные взору края,
 подчиняешься сам воробьиному взгляду.
 Всё, что знал, утанив. Рабской крови своей не тая
 ты проходишь сегодня скворцом, всесовершенным скворцом
 трудового подвига.

Ах, как трогателен голубиный помёт
 птицы мира — вселенского чуда,
 но Борис Леонидович карту загибёт,
 и поставит скворца за царя и Куду.

Будет торкаться, будет просить передать
 передачу по радио — "Вести из леса",
 а потом заколдобится мать-перемать;
 нету в обществе ней достоевского вазу.

На останках Иосифа кровь козла
 нарасует уси или белые зуби,
 а потом обнаружит, что выглял дотла
 исполнинской поэзии губи.

Ах, как трогателен обозревший хаос:
 временщик, современник, козлёнок!
 До свиданья скворцы говорившие в нос!
 До свиданья игрок из палёнок.

ВПЕРЕД СМОТЯЩЕМУ

На тягловую силу положась,
на русскую сто крат литературу;
он тащится, ватаюсь и вилась,
до голубих костей сдирая шкуру.

Судьба-судьбой. У рыбы есть судьба.
И у собаки голубые кости
все также есть. Он говорит: борьба...
А я смотрю: лукавый на погосте.

Нет хитрости, хранищей пустоту;
и нету зла для высшего судейства!
Страдания принимаешь по суду,
он своего не оценил злодейства.

электрических числ от листа потрясенных нитко,
не задувший свечи, оспешающ пространство - известно!
Каждый звук, как ракушка - прошедшая камень пилка;
силой родственной крови, пресмыкнутой, но неделимой.

Песнь, сама по себе развивайся и знайся с подобной.
Не смотри на часы, человек обеспеченный чудом.
Сколько выпрепленных знаков на улице нашей загробной:
не познавших пределов своей амплитуды.

Здравствуй, лирик, ньютоновой крени не знающий; здравствуй!
Здравствуй, трагик, познавший ньютонову крени.
Отлетаю. Листок стихотворный не властвуй!
Глуно только в пустыне, но наши умнейшие степи
научили летать не одни только тучи железа, -
этим тучам подстать наши души словесного среза.

Так о чём же я начал? О гласных, согласных и прочих -
соглядатаях сердца! Ракушках, камнях и цветочных
испарениях: муки вражды и любви!
Здравствуй ветер стальных и счастливых нисзовий.

ДЕРЕВЯННЫЙ СОБОР

Посвящается братьям по перу

"И ныне я не камень,
а дерево пос"

О. Манделътам

Есть дерево и сад, — в плодах или бесплодь, —
но с памятью вегетативных трав,
И трудно предложить его цветов отродья,
и больно говорить: мы не приснимся вам.

В отдельности, в нерешк обличенья,
ну, то есть, если ветрыгоняет в сентябре...
... ни с каких цветах, но выживет растение,
раз падшее зерно умрет на глубине.

Я говорю о том, что несколько сердечек
для дерева в саду... не стоит продолжать.
Для каждого кольцо. Вот из таких колечек
вполне возможна цепь, чтоб церковь окружать.

Мой деревянный храм, проказный деревянно!
Златая наша цепь, в той эпосу листви,
звучащая когда... когда хрустит стеклянню
небесная звезда среди городской травы.

Я вынужден лезать, приглядываться к звуку.
Он вынужден пристать, но не лезать со мной.
Но кто в моей цепи протянет злую руку,
или предскажет ад лежащему весной?

Никто не написал рифмованного сада,
а собирався в храм на деревянный путь.
Для тех, кого люблю, жила ещё Злата;
Христос не позабыт; и ветер будет дуть.

И если есть село в середине Ленинграда, —
гармония трудов для вывода судьбы;
не надо пачкать свет, — без знания, без сада!
Я позабылся весь, слеза ползет с губы.